

Игорь Платонов

ТУМАННЫЙ АМПИР

СТИХИ И ПОЭМЫ

Игорь Платонов
Туманный амфир.
Стихи и поэмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400231

ISBN 9785447470531

Аннотация

«Туманный амфир» – это поэтический сборник образов и событий, это поэзия пробуждения и осознания себя в этом мире, многогранном и непредсказуемом, а также (в поэме «Путешествие в Вечность») описано прошлое и будущее нашей цивилизации. В книге образно изложена динамика нашей эпохи, усиленная поэтическим чувством автора.

Содержание

1. У Небес на виду	8
Туманный амфир	9
Когда мы проснёмся?	11
Рассвет	12
Экзальтация	13
Нервы полярного тракта	15
Без граней	17
Второе дыханье	19
Красотой нараспашку	20
Вечер	21
Терминалы судьбы	22
Зеркало Матрицы	25
Когнитивный диссонанс	26
Правила тупика	27
Разоблачение смога	28
Трансформация грусти	30
В диапазоне стихийных дум	33
Криминальный романс	35
Выпрямитель извилин	37
Фабрика блефа	39
Терминократия	41
Шанс времени	44
Патриархальная тяга	46

У Небес на виду	48
Чары системы	49
Я люблю, когда светает...	51
Шаг в неизвестное	52
Вещая Русь	53
Жемчужные росы	55
Дыхание весны	59
Плач неба	60
Русская раскрутка	62
Предрассветное	64
Крылья	66
Ограниченная ответственность	67
Вдоль по ветру	69
Неформат	71
Дар намерения	72
В стране души	73
Трюк памяти	75
Резонанс	76
Как просто...	79
Интроспекция	82
Кибер	83
Взрыв изнутри	85
Манкурты	86
Корни	89
Отрыв	91
Мистерия лада	94

Даже если...	95
2. Сиянье и пламя	97
Когда душа болеть устанет	97
Драйв горечи	98
Понты	99
Крысоед	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Туманный амфир

Стихи и поэмы

Игорь Платонов

© Игорь Платонов, 2019

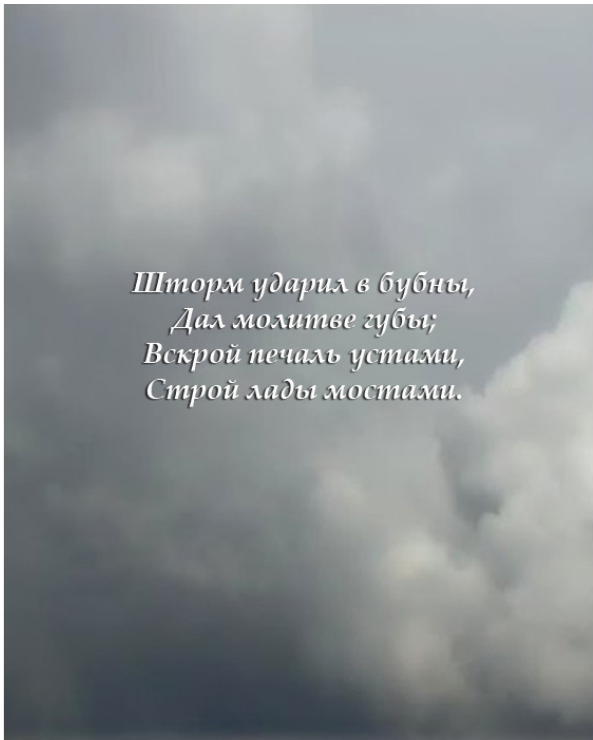
ISBN 978-5-4474-7053-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...А тоска – это взрыв изнутри и движение вперёд, —
в ту реальность, где память не стёрта и воздух живой...

1. У Небес на виду

*Шторм ударил в бубны,
Дал молитве губы;
Вскрой печаль устами,
Строй лады мостами.*

Туманный ампир

Осенних деревьев застывший салют,
Промозглая горечь межвременья,
Туманный ампир, пешеходный маршрут,
Нетленный винтаж обозрения...

Пустых переулков тревожный сквозняк,
Машины, застрявшие в ступоре;
Шарада рекламы для вечных зевак,
И голос полиции в рупоре.

Дворовые лузеры, пьяные в дым,
Блудницы в кафе заскучавшие;
Лихие тинэйджеры нрава экстрим,
И лабухи недоигравшие.

О чём-то поёт ностальгия дворов
С акцентами выкриков матерных;
Энергия страсти дошла до столпов,
И дрыхнет Аттила на паперти...

Ни леди, ни боссы, ни просто жульё
Не ведают мер космогонии;
А скоро – гроза, и она воспоёт
Высокую силу гармонии...

В обдымленных сумерках проще мечтать,
Душой припадая к источникам,
И чують кругом вездесущую мать —
Природу живую и точную.

Когда мы проснёмся?

Никто не узнает, о чём ты молчишь в полумраке
И как рождается диво;
Об этом лишь знают собаки,
Поскольку, они сенситивы.

Никто не знает, что принесёт
Внезапный удар весны,
И сколько ещё нам плавить лёд
В сердцах, обезумевших от войны...

Никто не знает, о чём говорят дожди
И что побеждает стронций;
Никто не знает, что нас ждёт впереди
И куда мы несёмся.

Но мне вчера сказала заря,
Что мы так похожи на тех
Богов,
Что носила Земля
Без помех
В счастье веков...

Рассвет

Отблеск солнца в окне – как очаг
Для того, кто устал от ненастья;
Всё надёжно, мир – здесь и сейчас,
Но согрета душа лишь отчасти.

Что ей надобно, странной такой?
Что дано во вселенской интриге?
В ней тоска оживает грозой,
И мечта сокрушает вериги.

Драгоценности ей ни к чему,
У неё – обнажённая вечность;
И, наверное, лишь потому
Ты в очах сохраняешь беспечность.

Экзальтация

Рань метелится в камни;
Свет зимы, серебрись!
Обжилась облаками
Разомлевшая высь.

Я плыву вдоль бульвара,
По волне буйных грёз;
Не нужны мне базары,
И не нужно колёс.

Я душой наизнанку
Целовал небеса,
И крутил не баранку —
Разжигал чудеса.

Но в миру всё иначе, —
Каждый вход ставит счёт;
Я респект одурачил
И пробил сердцем лёд.

Город выплеснул грохот,
Стала речь грозовой;
Притомилась эпоха...
Кто ещё здесь живой?

По кому не рыдает
Эпикуров мажор?
Ощути как фундамент
Чудотворный простор.

Разомкни боль устами,
Чтоб не гаснуть во лжи,
И умой небесами
Околотки души!

Я в горячке обранил
Озареньем закат;
И глаза фонарями
В переулках горят.

Нервы полярного тракта

Как грохотали вагоны
В нервах полярного тракта!
Вьюги охрипшие стоны,
Трасса промозглого мрака.

Где-то пропали таксисты,
Будто мираж – Майами...
Все мы, как есть – артисты,
Только трясёт не в драме.

Водка и апельсины,
И задубевшие руки;
Запах зимы и бензина
Перегазил все глюки.

Словно вселенским эхом
Плакала эта стужа;
Стал я твоею вехой
С дикой тоской наружу.

Голым нутром, аортой,
Принял твою отраду,
Ветер сплошного Норда,
Ставший моей балладой.

Верил открытым сердцем:
Вышний предел не бросит,
Хоть куролесил дерзко,
Но и не слёг в неврозе...

И возвратился с неба,
Паром дыша в твой облик
С шапкой такой нелепой,
Предвосхищая топлес.

Дух не упрятать в шкуры,
Боль погасили губы...
Стала моей натурой
Родина снежной шубы.

Без граней

Ветер гулял в бесприютной душе,
Где б ни носило;
Ты говорила, что рай в шалаше —
Страшная сила.

Что расцветают в любви и столбы;
Зреем ли в кухне?
И под ударом голодной судьбы
Сердце не рухнет.

Ты говорила, что пир без причин —
Гиблое дело;
Я раздробился на песни в ночи,
Тьма опьянела...

Рань погасила мистерию звёзд
И озарилась...
Хмур только я, как шофёр без колёс, —
Горечь открылась...

Колокол бьёт ли, народ ли молчит —
В нервах – рок века;
Обнажена красота лишь в ночи
Для человека.

Но расскажу, никого не виня,
Силе Небесной,
Как ты собой отогрела меня
В шаге от бездны.

Второе дыхание

Если мы не сгорим в этой битве идей,
Если мы устоим в этой странной войне, —
Я тебя проведу по одной из аллей,
И второе дыхание вернётся ко мне.

Ты почувствуешь мир и звонкам дашь отбой,
И безмолвие в нас обнажит мощь основ...
И согреются души вселенской судьбой,
Потому что любви умирать не дано.

Красотой нараспашку

Я тянулся к тебе неотступно и тяжело,
Вняв реке без лады;
Ты ютила меня красотой нараспашку
С диким солнцем в груди.

Напоила дыханьем... И взвил вещий ветер
Грозовые лады!
И в душе заиграли, как вольные дети,
Родовые сады.

И запела душа, отогретая силой,
Чья свобода – в корнях;
А нетленная речь свет надежд оживила,
Дав идеям размах...

Что ещё мы не сделали этой эпохе,
Потерявшей мечты,
Закатавшей кручину в протяжные охи
И отраду в посты?

Бьют перстами по клавишам вольные нервы;
Славься, мир без тоски!
Я вступаю в любовь без причин и без меры,
Только так мы близки.

Вечер

Деревья внимают пространству,
И воздух звенит,
Вгоняя мечты в постоянство,
Как звёзды – в зенит.

Дворы наполняются холодом,
Век волен и дик;
А память ударила в колокол,
Хандру осадив.

И льётся по нервам прохлада,
Чья нега трезвит;
А даль колыбельной балладой
Играет в крови...

И в этом негаданном трансе
Вдруг хочется петь
О мире, где юность без глянца
И шик без цепей.

Терминалы судьбы

Нас мир обжигал временами,
Теперь же, с бронёю в ладу,
Мы бродим своими путями,
Чтоб чаянья греть не в бреду.

Сквозит мироздание в спину,
Бродяга подпит и хмур;
Он посох несёт как дубину,
Страхуя свой личный тур.

Я тоже рванул бы в трэвел, —
Уткнулся б душой в лазурь;
И злаки б отмёл от плевел,
Исторгнув себя из бурь.

Друзьям бы напомнил молча
О том, что я вновь живой,
И сердца пустынная полночь
Умылась бы вещей мечтой.

Но стали мы все другими,
А может, сломался мир,
Гремевший путями крутыми,
Бросавший удачи в пир.

Но чувства просты и стихийны,
Как ветер, не знающий лжи;
И я распахнул эйфорию,
Взалкав на границе души.

Тебя, ту стихию без боли,
Что может и бурю унять,
Когда все идеи – в неволе,
И с кожи озноб не содрать.

Тебя, световодную диву
С дыханьем цветов и былин,
Хранящую звёздные нивы
В сиянье бессмертных глубин.

Наш город освистан пургою,
И родственный взгляд – как пароль;
Здесь любят крутых, – не изгоев,
А сумм терминал стал дырой...

Судьбу не разбить на части,
И горечь гасить не врачу;
Я, песней развеяв ненастье,
В твои терминалы влечу.

И буду как прежде весел
Для мира, где все при делах...
Друзья, отдохните от кресел,
Почувств свободу в умах.

Зеркало Матрицы

Шоссе, мегаполисы, банки, кордоны,
Дворцы, рестораны, отели, квартиры,
Врата, сети, церкви, мосты, полигоны, —
Так Матрица держит недвижимость мира...

Слепые рефлексы, кредитные цепи,
Онлайн для контроля, мираж для тепла;
С тобой не играют, – тебя просто лепят
На благо Системы, что в вены вошла.

Тебя с малых лет учили знать место,
Тебя пеленали и тешили куклой:
Тебе показали и плаху, и кресло,
Но в тайнах души есть иная наука.

Нужны ли руины, чтоб знать состраданье?
Нужны ли доктрины, чтоб верить в любовь?
Течение судьбы – как вода подо льдами,
Но в каждом есть воля, и ход – за тобой...

Когнитивный диссонанс

Есть правильный клерк, есть подлый,
Но оба они – под боссом,
Что ими рулит как угодно
Без нервов и лишних вопросов.

Есть честный игрок, есть шельма,
Но оба они – в игре;
И эта игра смертельна
При сдвиге в центральной коре.

Есть верная леди, есть бестия,
Но обе целуют распятие;
В цене и подрыв, и возмездие,
Что слева и справа от паперти.

Есть воля народа, есть мафия,
Но обе – под тайной десницею;
И ей не страшна эпитафия,
Поскольку, она – вне юстиции.

И как интеллект ни настраивай —
В тени остаётся одно:
Реликт с мозговой войной,
Что движет разрозненным равенством.

Правила тупика

(ВХОД И ВЫХОД)

Заходя в тупик,
Никого не обвиняй;
Будь как дома,
Накручивай шик,
Но никому не открывай.
Это аксиома.

Когда ж понесёшься вперёд,
Пробив тупиковую стену,
Как беспардонная фура,
Не будь оголтелым, —
Закрой за собою проход
Той же структурой.

Разоблачение смога

Вновь какая-то тварь затуманила смогом весь город...
Или может быть это стратегия тайной войны?
Маета осадила дворы и бетонные норы;
Эта муть – как ловушка, но рядом – счастливые сны...

С малых лет я мечтал быть удачливым,
сильным и вольным,
Но пробить стены сердцем не просто, и рай – в небесах...
Андеграунд имеет регистр теневой колокольни,
Только, в битве за счастье не помнят об этих вещах.

Зомбоящик шлифует мозги, суть пуская на мыло,
Чтоб собрать всех в единое стадо и выставить цель...
Мы устали от мыслей – что будет, что есть и что было,
Мы лишь верим в надёжность брони и родную постель.

На пиарных плакатах ослабились шоу-герои,
И хардмэн в кулуарах мякину сбивает в зерно...
Я хотел бы узнать, почему обанкротилась Троя,
Я хотел бы понять, почему мы так ценим дерьмо.

Здесь любовь – как награда,
а боль – как секретное благо,
Я не знаю, кто всё это выдумал и воплотил;
Я б сердца взбудоражил, пальнув оглушительным ладом,

Но я просто смотрю в этот смог, и я в нём – как debil.

И какая же тварь затуманила наши дороги?

И какая же суть в колее меж войной и чумой?

Нас так долго учили мечтать о спасении в Боге,

Но никто не сказал, как с Небес возвращаться домой.

Я парю над тоской, как от пут ускользнувшая птица,

И играю на раненых нервах, предчувствуя пир...

И туман растворился, – я лад оживил новым тактом,

Чтобы хлынуть непуганой музыкой в мастный мир.

Трансформация грусти

В одном интервью говорили мне:
«У Вас многовато грусти...»
Теперь мы живём, как в триллере,
Растём на искусстве...

Ширит плацдарм вакханалия,
Крут лейтмотив диссонанса;
Пир – как чума виртуальная,
Вывернут мир наизнанку.

Мало мажора? Нате вам:
Трейлеры в стиле «Баунти»,
Райские грёзы в аккаунтах,
И восхищения с матами.

Шалый гламур – как опиум,
И секс-модели спятели;
Пахарь бежит от шопинга, —
Всюду – клиентоискатели.

Как ни бросайся в тяжкие —
Мир добродушно не скалится;
Ценности вот, нараспашку все,
И веселятся «смайлики».

Леди с мятежной грацией,
Мачо на аватарке;
А изнутри – инфляция
И деловые кухарки.

Спой, поповик непуганый,
Выложись без фанеры-ка!
Станешь толпою обруганный,
Как азиатом Америка.

Что, нам опять не весело?
Снова не мармеладово?
Делай кручину песнею,
И запевай внепланово.

Даже и звёзды рухнули, —
Важно в асфальт впечатались.
Нам ли не звёздно, грустно ли?
Всё же мы недопечалены...

Недораскрыты, скованы
Складным системным прессингом;
Кланы в тени упакованы,
А за пиаром – мессинги...

Голь обошла историю, —
Транс в колее безвременный...
Только пою не с горя я,
Грусть – это власть на бремени.

В диапазоне стихийных дум

Всё нынче странно... Наплыв осадков...
Печаль – как ветер, и крепнет шум...
Поёт джаз-леди о чём-то сладком
В диапазоне стихийных дум...

Орут гуляки на шалом сленге,
Как будто нет ни пучин, ни дна;
Скорбит Земля, и молчат калеки,
Предвосхищая блаженство сна.

Легко ли взглядом печалить спины
И верить в чудо, живя игрой?
Отдай свой порох пустым руинам
И стон души погаси росой.

Никто не волен ломать дороги
И поворачивать речи вспять;
Мы стали чуткими в подлом смоге,
Но кто-то должен во тьме сиять.

Горячка выжгла озноб из тела,
Вернув избитой душе права;
Цепная ложь этот мир проела,
Но, только, правда всегда жива.

Она жива, даже если бездна
Затмила сердце, и нет мостов;
Но наши чувства не от железа,
В них дышит воля – стезя основ.

И я лечу этот дикий воздух
Своей раскалённой в миру тоской;
А высь о чём-то поёт межзвёздно,
Вселяя в вены сплошной покой.

Я стал мостом в этой драме звуков,
Чей зов глубинный тревожит ум...
Какая может быть здесь разлука?
Мы все – в единстве контактных дум.

Всё нынче странно, печаль – как пепел,
Стихия страсти сошла на нет,
Оставив песню, как вольный трепет,
И обнажив грозовой сюжет.

Криминальный романс

В прокуренном баре она появилась, как фея,
Как ангел, сошедший в долину туманных надежд;
И публика оцепенела, прицельно глаза
На диву мечты под покровом легчайших одежд.

Она проплыла в глубину обомлевшего зала
И мило под села к почтеннейшему старику;
Он руку в перстнях протянул ей тепло и устало,
И жар поцелуя впечатал сознание в тоску...

И гасла в шампанском невинная горечь природы,
Проникшая в шик и познавшая важный ажур;
И он, дирижёр красоты, делал всё ей в угоду,
Как будто нащупал Психею ослепший Амур...

Но жизнь, как монета, имеет обратную правду,
И эта загадка сокрыта от всех до поры;
А долгая ложь – это просто живая отравка,
И тайные чувства отшибли её от игры.

И горькое сердце метнулось к тому, кто был дорог —
К романтику чистой любви с дикой песней в груди;
Он молод был, волен и беден, и верил просторам,
Где пела душа, оставляя печаль позади.

Их встреча была коротка, как и водится в драме,
Их чувства рассвет обнажил; и увидел старик
Бессмертье любви без вуали, вранья и оправы,
Когда холодел, познавая внезапный тупик.

В безумстве ломаются судьбы и рушатся планы,
И выстрел послал обольстителя в край без Джульетт;
Его же любовница в шоке не вынесла раны
И вдруг разрядила в ревнителя свой пистолет...

В казённом пролёте она появилась, как фея,
Как ангел орды под покровом легчайших одежд;
И публика оцепенела, прицельно глаза
На диву, сошедшую в мир из туманных надежд.

Выпрямитель извилин

Он смаковал реальный шок,
Томясь облавой дум недобрых,
Любил уход воды в песок,
И не притягивал подобных.

Ценил Монтеня, в долг не брал,
Играл в бильярд, писал рассказы,
Сбивал истому в мадригал,
Но не испытывал экстаза.

Ядрил шарадою кураж,
Внедрял экспромт в азы искусства,
Чеканил фрондою типаж,
И не транжирил всеу чувства.

Искал в Сети альтернатив,
Сгоняя самости излишки,
Бывал нахрапист и глумлив,
Но троллинг лопался пустышкой.

Душа – не волк, и не птенец,
Порой сама себя не знает,
Пока не взвоят, наконец,
И пустоту не обласкает.

Одним свобода – тяжкий труд,
Другим – отрада в темпе вальса;
Но вряд ли кто торчит от пут,
И наш герой с цепи сорвался...

Менял намеренья, пути,
Гасил хандру «Наполеоном»,
Желая статус обрести,
Чтоб не плодить идей палёных.

Но не раскрыв себя ни в чём,
Он тяжелел в бреду сарказма,
И им гасил любой облом,
Смакуя имидж Камикадзе.

И всё ж обрёл он свой талант,
Вкусив реального прогресса,
Когда ему без предоплат
Нужда вернула ум на место.

Фабрика блефа

На фабрике блефа – бессменный режим,
Там нет ни ранжира, ни бунта;
Оттуда никто не уходит пустым
И жизнь поднимается с грунта.

На фабрике блефа не ведают бед,
Не сеют ни пепла, ни злака;
Там каждый плодит виртуальный секрет,
Вникая в гармонию смака...

Кокетки легли на конвейер мечты, —
Модель ощутила фактуру;
На фабрике блефа дары – как мосты,
А боль – как издержки природы.

Там нервы – как рельсы, и пафос – броня,
Бравада пробоин не чувствует;
Система навара не просит огня,
И в сейфы тревога не дует.

А в банке идей— конвертация душ,
И плебс порешил стать Гомером;
Но мудрый Зоил обанкротил хлопуш
И сам стал оплотом химеры...

Стратег лохотрона почуял хай-лайф
И стал куртуазно мобильным;
А миру не нужен заоблачный пай,
И бред стал космической пылью.

На фабрике блефа – стратегия грёз
И клок мишуры от кумира;
На всякого лоха – железный прогноз
И понт – как волшебная лира.

И если какой-то мобильный чудак
Решит стать ваятелем чуда, —
Он миф сотворит и исчезнет в «трудах»,
Чтоб действовать из ниоткуда.

Терминократия

В сфере продвинутых и крутых
Синтаксис держит систему,
И мысли – как «оперы» без понятых
Вникают в любую проблему.

Там взгляды – как в пасмурный день жалюзи,
А фразы похожи на тест;
И дети формата съезжают с оси,
Сканируя тайный реестр.

Теперь Шопенгауэр курит бамбук
И Гегель обуян хандрой;
Локатор инсайта отбился от рук
И вводится в чувства пароль.

И всякое слово звучит терминально,
С налётом машинной хандры:
«Винду проапдэйтил? Поюзай финалку...»
Чем дальше – тем круче дары...

«Душа креативна? Релиз мне на брифинг!
И фейс не забудьте апгрэйдить...»
«Инфа» да «имхо» виртуальны, как мифы,
В тонах от Паскаля до Фрейда.

О, асы жаргона, кудесники слога,
Вам свой бы язык сотворить;
Но мне же милее родимое слово,
Я корни хочу сохранить.

И вы извините, что я не спросил,
Как шарм загружать в интерфейс;
Я больше люблю засекреченный тыл
И непредсказуемый рейс.

Но вот незадача, – бывает пробел
В делах, одиозных, как дуст;
Вчера я плясал, голосил и гудел,
А ныне – печален и пуст.

Какой-то пацан мне всерьёз предложил
С устатку в тоске «хотдогнуть»...
Я вроде в миру никому не хамил,
Теперь одному не уснуть...

Будь ближе, родная, – мне тяжело от фраз,
В которых я – как маргинал;
Мне было бы проще зажечься без фаз,
Когда на устах – мадригал.

Так вот оно – в сердце сиянье основ
Того, как легко быть собой!..
Но только реальность ясна и без слов;
Я видел весною убитых птенцов,

Где жизнь не бывает игрой.

Шанс времени

Ты будешь ловить новый глюк,
Пока не увидишь себя,
Ты будешь искать райских птиц,
Пока не проснёшься.

Забытые курят бамбук,
А те, кто сильнее – не скорбят;
Они обещают быть мудрыми
В холоде новшеств...

Твой опиум – розовый цвет,
Но это оружие сна,
Смотреть в эти линзы приятно,
Но мир любит зрячих.

Любая из ближних комет
Бывает страшней, чем война;
Примерно такая же сила
Преследует спящих...

Ты можешь обкуривать мозг,
Пока не проснётся шаман;
Ты можешь остаться крутым
И работать на дядю.

Но те, кто не млеет от звёзд,
Готовят секретный экран;
И этот капкан – как будильник,
Проснёшься, но в стаде...

Забытые курят бамбук,
А те, кто сильнее – не скорбят;
И свет отделяет гармонию
От безрассудства.

Ты будешь ловить новый глюк,
Пока не узнаешь себя;
Но время даёт новый шанс
Воссиять и проснуться...

Патриархальная тяга

Как вольно меня в этот край занесло,
Как были крылаты мечтания!
И я не жалел упоительных слов
Внимая чудесным созданиям.

Тоску отметала бродяжья душа,
Плывя по весёлым бульварам;
И я постигал, буйноцветьем дыша,
Патриархальные чары.

И в той ностальгии дворцов и дворов
Мне было легко и просторно;
И я замирал от гуманных основ,
Чья нега проста и соборна.

И сквозь маету и глухой амбир
Тащила меня свобода
Туда, где душе возвращается мир
И людям плевать на годы...

Но память странна, как наследие драм,
А скука верна застолью;
И тихо дымя в непорочную рань,
Я славлю покой и волю.

По улицам бродит немая война,
Как выхлоп фатального пира;
И не угасает бульварный фонарь —
Светило заблудшего мира.

У Небес на виду

В час блуждающих чар даже горечь – как пир,
Даже порох – как пыль, только блажь – как смола...
Но к чему суета? В каждой битве есть мир,
Я не ставил на смерть, и она отошла.

А когда рассвело – я увидел людей
Без причуд и обид и с любовью в ладу;
А пустынный туман пробудил звонарей
И запела Земля у Небес на виду...

В час блуждающих чар не дари ветру слов,
Даже если орда облачилась в виссон;
Воздух прост и велик, стань дыханьем цветов,
Ибо в свете любви нет ни пут, ни времён.

А когда рассветёт – ты увидишь людей
Без причуд и обид и с рассудком в ладу;
А пустынный туман оживит звонарей
И Земля запоёт у Небес на виду.

Чары системы

В краю уснувших богов
Сквозняк похож на грозу;
И каждый мудрый готов
Держать кулак на весу.

В краю уснувших богов
Гудит магический лад;
И из любых тупиков
Выходит новый формат.

В краю уснувших богов
Царит непуганый шарм;
Исходит жар от голов
И реверанс – как пиар.

Я постигаю бальзам,
Вникая в эту игру,
Тоска течёт по устам
И плоть поёт на ветру.

В краю уснувших богов
На каждый вход – свой пароль;
Я внял хранителю слов
И разблокировал боль.

Куда намерен впадать
Поток священных надежд?
Душа желает летать
А тело просит одежд...

В краю уснувших богов
Идёт туман от речей:
Но я устал лить арго
И прорасти меж камней.

На отпечатках сапог
Не польхнёт георгин;
А каждый выжил, как мог
И из мольбы вышел гимн...

Кто находит ключи
от волшебных дверей?
Кто не ведаёт боли?
Чьи сердца без камней?

Кто припомнит страну,
где мечты – как ветра?
Я не чувствую граней;
просыпаться пора.

Я люблю, когда светает...

Я люблю, когда светает
Оживает за окном,
И стихийны птичьи стаи,
Словно мирдохнул теплом.

И такой вот юной ранью
Проще верить и любить,
И невидимые раны
Озарением лечить.

Шаг в неизвестное

Если ты ещё жив, разомкни цепь рассудка,
Отключи суету и прими дар судьбы;
Он – как утренний воздух, в котором не жутко,
Он – как воля Небес, где никто не забыт.

Наши нервы больны, мы, как видно, устали,
Но никто не желает быть частью земли;
Нас нетрудно достать, ибо мы – не из стали,
Выходи из системы, и кэш обнули.

Мир устал пребывать в состоянии битвы,
И на раненых судьбах восходят мечты;
Для кого-то – война, для кого-то – молитва,
Но прямые пути скоростны и просты.

Если ты ещё жив, разомкни цепь рассудка,
Отключи суету и прими дар судьбы;
Он – как утренний воздух, в котором всё чутко,
Он – как родина света, где мы – не рабы.

Вещая Русь

Никто не желает ломаться от боли,
Мгновенно меняться умеет лишь дым;
А шок возвращает сознанию волю,
И дрогнувший мир остаётся живым.

Внезапный экстрим – как воздушные крылья,
Но дар испытаний – не Спас на крови;
А если эмоции волю затмили,
То значит, душе не хватает любви.

Как долго умы нам туманили ложью,
Что благо – в страданиях, и боль дарит свет;
Кому хорошо быть травой придорожной?
И кто бы хотел укорачивать век?

Россию поганили, грабили, крыли,
Её называли «прогнившей страной»;
Но я не забыл, что сокрыто в той силе,
Которая раны врачует собой.

Умелые люди уплыли на Запад —
Искать благоденствия там, где нас нет;
Тела, как известно, уходят на запах,
А Дух не имеет ни смерти, ни снет.

Кому-то престижно мужать за кордоном,
Кому-то в услужу тоску покорять;
А свет неподвластен системным шаблонам,
Он дарит одно: от себя не сбежать.

Я в сердце отверз животворные речи
И песнями корни судьбы напоил;
О, вещая Русь, ты священна и вечна,
И непостижима, как тайна светил.

Жемчужные росы

Жемчугами росными,
Росами жемчужными
Души в мир заброшены,
Но недоразбужены.

Всеясветны и просты
Думы колокольные;
Гнали дерзкие мечты
На пути невольные

Смелых, юных, грозовых
С песнями невинными...
Смолотила ядра в жмых
Грусть-нужда глубинная.

Нынче все погружены
В дебри виртуальные;
В мир внедрили код войны
С грёзами фатальными, —

Светопреставленьями,
Неба воздаяньями,
Чтобы поколеньями
Править, зрея планами.

Мы живём сейчас и здесь,
В том – Земли стратегия;
На свету и звон – как весть,
А впотьмах – трагедия.

Не бывали мы зверьём;
Неужель мы варвары?
Если хором запоём, —
Сдует хворь угарную.

Сколько ж можно кланяться
Барству хваткорукому,
Оставаться крайними
И ходить за муками?!

Млеет ряженный сатир
С персональной челядью;
А в тени, смакуя пир,
Промышляют нелюди.

Нас давно хотят затмить,
Сделав дикой кастою,
Чтобы мы устали жить,
На виду не шастали.

Чтоб не чуяли корней,
Были подконтрольными,
Дарят нам набор цепей —
С чарами застольными,

С дымной дурью да иглой,
С кармой неоплаченной,
С дебилоидной пальбой
В драмах зомбоящика...

Только сила Русичей
Не ясна губителям;
Воин крут и в рубище,
Наша Русь – обитель нам.

Сила наша – свет в груди,
Солнце животворное!
Посгорала на пути
Вся хандра позорная.

Мы едины не в узде,
Озареньем собраны;
Мир поёт в живой среде,
Воссияли образы.

Будь ты нищий или босс —
Все зарёй согреты мы;
Всколыхнула воля звёзд
Глубину рассветную.

Песня-колокол, коснись
Душ недоразбуженных,
Чтобы в нас играла высь

Росами жемчужными!

Дыхание весны

Зима устала быть холодной,
Ветра теплом напоены;
И над оттаявшей природой
Парит дыхание весны.

Рассвет смелеет и дымится,
Тревожат кроны синеву;
И пробудившись, плачут птицы,
Желая вновь узреть листву.

И возвратив сознанию милость,
Вздымает зарево рассвет;
Весна, похоже, пробудилась,
Лишь в новостях метелей след.

Плач неба

Мне кажется, я прожил тысячу жизней,
Но только не помню – зачем...
Мы верим в любовь и играем словами,
А в грёзах имеем гарем...

Один мой знакомый кричит, что он – трезвенник,
И после напивается в хлам;
Другой называет себя просветлённым,
Молясь деревянным богам...

Гламурные куклы не ведают меры,
Они лишь хотят быть людьми;
Как просто и в лязге цепей слышать бубны,
Чтоб выжить, оставшись детьми...

И стоит ли петь о любви под луною,
Кепарь поменяв на венец?
Формат не врубается в чувства, и воздух
Дрожит от биенья сердец...

Предчувствие гроз не бывает случайным,
И шалый Онлайн – как арык;
И льёт эпатаж виртуальная пресса,
Где всем обещают кирдык...

Попса ширит блеф, набивая карманы,
Но это лишь игры с огнём;
Мне ангел шепнул: «Скоро свет станет манной...»
Мы выйдем из тьмы и споём.

Мне кажется, я прожил тысячу жизней,
И стал многолик и смышлён;
Мы верим в мечту и не любим препятствий,
А в нервах – колёса времён...

Но кем бы я ни был, – я часть этой яви
И пламя в системной глуши;
И я наполняю себя плачем неба,
Чтоб тело не жгло от души.

Русская раскрутка

«Благая цель оправдывает средства...»

Джордж Байрон, «МАНФРЕД»

О, дух Романтизма, рассвет вдохновений,
Ты чтил мастеров уникальнейшей эры;
Воспет на века драматизм поколений,
Светлы имена, и бессмертны шедевры.

Но чтобы в России быть лавром увитым,
Нужно творить лицедейство, буяннить,
И посылать мировую элиту
Туда, где Мазай не играл на баяне.

Нужно градировать, мозг не жалея,
Стать новым Ван-Гогом, а лучше – Ницше,
И голосить у стены мавзолея,
Что ты самый торкнувший в армии нищих.

Чтобы в России быть лавром увитым,
Нужно к банкирам подъехать на танке,
Вписав на броне: «Здесь мои реквизиты»,
Чтоб даже у панков поехали планки.

Нужно забыть, что ты просто Вася,
И стать уникальным, как дух артефакта,

А дальше – на трейды себя расколбасить,
Чтоб знать перспективы и быть не за тактом.

И снова пахать, невзирая на скотство,
И улыбаться, – мол, это по кайфу;
А если облом – выживай, как придётся,
Пиарят не в долг, и поют не по скайпу.

Я не был в Париже, и не был в Лозанне,
И в Квебеке не был, как мозг ни третируй;
Но, где б ни скитался, рассудок туманит
Пацан, украшающий матом сортиры...

И от всей этой психоделической хрени
Хочется просто по-русски напиться,
И улететь в глухую деревню
Реально крутой, неопознанной птицей.

Предрассветное

Завари мне, родная, настой,
Чтобы вышибло боль и кручину,
Чтобы хмури полыхнула зарей
И сквозняк не обласкивал спину.

Завари мне настой, да такой,
Чтоб душа ожила и запела,
Чтобы в вены ударил прибой
И вернулись желанья в тело!

Чтобы радость умыла глаза
И дремучая хворь испарилась,
Чтобы стали родней небеса
И взыграла творящая сила...

Завари мне, родная, настой,
Осади грозное ненастье,
Чтобы шок не висел над страной,
И надежды в бреду не погасли.

Чтоб рассудок остался живым,
Чтоб мечта на ветру не сгорела,
Чтобы жуть растворилась как дым,
И орда во хмелю не зверела.

Чтоб почуять дыханье Земли
И принять эту вечную негу,
Где и нищих, и тех, кто велик,
Согревает бессмертное небо.

Чтобы в сердце распахивать взгляд,
Чтоб звенеть и не ведать надрыва,
Чтоб войти в зацветающий сад
И однажды проснуться счастливым.

Обнажи пробуждённую рань,
Озареньем взойди из тумана...
И меня горячо зашамань,
Проливаясь любовью на раны.

Крылья

Мне дарит мир на счастье не подковы,
Во мне играет память высоты;
Мои слова бывают злы и голы,
Но в сердце – постоянство красоты.

Мой голос – не для сладостных течений,
Я в нервах обнажаю волю струн;
В моих ладах есть эхо воплощений,
Где я открыт и счастлив, прост и юн.

Моя душа озвучена не лязгом,
И боль нейтрализует не комедь;
Я взвизгнешь ошеломительным соблазном —
Тоску любовью крыть, чтоб не сгореть.

И если вдруг мечты мои остыли,
И, раненый, я больше не парю, —
В падении меня вздымают крылья,
И я за всё Творца благодарю.

Ограниченная ответственность

В краю ажур и облома
Запой похож на форс-мажор;
А сплин – как молния без грома,
И ни к чему гуманный спор.

Ну как не клюнуть на приманку
Всепоглощающей мечты,
Озвучив душу, как тальянку?
Но тяжек путь до красоты...

В секретных блоках шоу-асы
Распределяют чистоган,
И воздвигаются парнасы,
Струя аншлаги в балаган.

Там чуткий босс, шая под кайфом,
Раскрепощает мощь сумы;
И ни стихом, ни овердрайвом
Не растопить в умах зимы.

Ночные леди – словно феи,
И даже лох – как ловелас;
И задвигаются идеи
В трансэротический фугас...

Свобода высекла скрижали
В броне квартирных площадей;
А грёзы перлами не стали,
И в шубах душам не теплей.

Застыл в дыму жеманный постер,
И бомж – как шулер на ветру;
Плоды восходят на погосте
И слаще воздух поутру.

Кумир, бродяга, мастер, мистер,
Громила, гаер, вор, герой, —
Мы все – заядлые артисты
В театре жизни круговой.

И всё – мобильно и железно,
И каждой драме – свой финал;
Но стоит курсом лечь над бездной —
И нет ни рангов, ни опал...

Желанья по ветру пустил я,
И голова – как чистовик;
И вдруг почувствовала крылья
Душа, сорвавшаяся в крик...

Вдоль по ветру

У богатых – свои причуды,
А у певчих – душа да высь;
Я иду, не боясь простуды,
Вдоль по ветру, ускорив мысль.

В головах – ураган проектов,
В кулуарах – туман интриг;
А Земля не меняет вектор
И природе не нужен сдвиг.

У крутых – золотая жила,
Только, в спину поёт сквозняк...
Ну а жизнь – это фронт без тыла,
Да и в рай не войдёшь за так.

А в мечтах не видать кордона,
Только, память – как личный груз;
Романтичен комфорт вагона,
А выходишь – и снова грусть.

По каким нас путям носило?
Что нашли мы в иных местах?
Есть у времени свойство силы —
Отверзать Небеса в сердцах.

Фонари – как цветы в бетоне,
Что-то воздух пропах не тем...
Но печаль в красоте утонет,
Отказавшись от ветхих тем.

Прикоснётся душа к родному
И на раны прольёт бальзам;
На Земле быть любви к живому
И от силы сиять глазам.

У богатых – свои причуды,
Но кому хорошо в броне?
Я иду, не боясь простуды,
Вдоль по ветру – к своей весне.

Неформат

Вы извините, что я небрит,
Что не похож на лощёных денди;
Меня промозглая мать столбит,
Качая душу в тревожном темпе.

И зачиная сквозной сюжет
О позабытой в миру печали,
Я фронт апломба свожу на нет
И воздух жизни пою очами.

«О чём же песня?» «А жизнь о чём?» —
Вопрос – на вопрос. Извините, леди;
Я так подумал, – чтоб стать Христом,
Бродяга сердцем прошупал плети;

И лёгкой дланью укрыл дитя
От тех, кто чувства кроит на формы...
Как вольно птицы в туман летят!
Им всюду хватит и сил, и корма.

И из формата холёных свит
Я выхожу, как боян – из пая.
Вы извините, что я не убит;
Ну, очевидно, судьба иная.

Дар намерения

Подпольная жизнь это печь без нагрева
И бой без патронов;
Я шок обратил в озаренье напева
Над мерой сожжённой.

Я руки не грел на крутых оборотах
И вышел из драмы;
Рулил по-над бездной смертельным полётом
Сквозной андеграунд.

А в венах – приборой вакханальных азартов
С последствием жажды;
Я в срок погасил обязательства кармы,
Войдя в негу дважды.

И я бы сказал, что идёт всё как надо,
Но некуда деться;
В артериях – зов первородного сада
И пение детства...

Но как бы ни дуло, душа отогрета
Ожившей природой;
Я вижу в грязи жемчуга, и за это
В желаньях – свобода.

В стране души

Я на заказ не улыбаюсь
И ради фона не пою,
И потому не удивляюсь,
Когда пиарят колею.

Как много звёздных и медийных,
Громкоголосых и больших;
Как много важных и активных,
«Подфонограммных» и крутых.

А я не рвал за лавры глотку,
И на мажор не западал;
Я отшибал соблазны водкой
И в сердце двери открывал...

Бродил по каменной округе,
Даря безмолвие звезде,
С тобой, любимая подруга,
Мы были счастливы в нужде.

Где так случайны совпадения
И оживлённы сквозняки,
Нас отогрели обнаженья,
Поя сиянием зрачки...

И глядя в мир, где не укрыться,
Я говорю, вдыхая жизнь:
На лжи ничто не сохранится,
Надёжней жить в стране души.

Трюк памяти

Веяло Ренессансом,
Где-то играла скрипка;
Дух обмирал в шампанском,
Сердце желало крика...

Ты, мишуру охаяв,
Роптала: «Как мир не прочен!..»
Крыла меня дыханьем
И окунала в очи.

И умножая розы,
Что ароматом пели,
Нега швыряла оземь
Томный шаблон отеля.

В душах любовь шумела
И надвигалось небо...
Память моя, как нега,
Угомонила тело.

Резонанс

Моя плоть это зона
Засекреченных нервов
С перехлёстом озона
И мечтами без меры.

Жизнь милей – где попроще,
Мир живей там, где не был;
Но глаза это очи,
Если в кровь льётся небо.

А надежда – как мост,
Только берег не виден;
Горечь взвилась до звёзд
И рассвет грёзы выдул.

Высь беду отмела,
Напоив сердце бурей;
И горят купола,
Как лампы в лазури.

И плывёт по округе
Вольный звон колоколен;
А в бульварной поруче
Каждый звук – под контролем.

Здесь бродяги – как семьи
С тайной метой Пандоры;
И, наверное, все мы —
Немного актёры.

Только грим вьелся в лица
И подмостки разбиты;
А в груди стонет птица,
Вычисляя орбиту...

Если всё – под грозой
И стена дышит в спину, —
Значит, путь по прямой
Плоть сжимает в пружину...

Если песня – лишь плод,
То душа это сад;
Нас беда не возьмёт,
Голоси, вещий лад!

Вскрой, родная, ажур, —
Полыхни в муть очами!
Я тоску сокрушу,
Сталь озвучив перстами...

На устах – пекло пульса,
Всюду пляшут улыбки...
В нервах – музыка улиц,
Лишь смычок пьян от скрипки.

Как просто...

Как просто замлеть от лести
И впредь не жалеть ни о чём,
Как просто остаться на месте
И гайкою стать под ключом...

Как просто не знать, не ведать,
Как просто ослепнуть на миг;
Как просто идти по следу
И больше не биться в тупик.

Как просто любить хороших,
Удачливых и дорогих;
Как просто не помнить о прошлом
И горечь не пить за троих.

Как просто пропеть о важном
И больше не быть на краю;
Как просто не думать о страшном
И имидж вогнать в колею.

Как просто дружить с крутыми
И верить, что ты не пустой;
Как просто держаться за имя,
Гася холодок за душой.

Как просто поправить наружность
И хлам поменять на велюр;
Как просто отсеять ненужных
И тихо вписаться в ажур.

Как просто ругаться в спину
И верить в значение прав;
Как просто внезапно сгнуть,
Лавину за шалость приняв...

Как просто прижиться в оплоте,
Как просто колбаситься в такт;
Как просто гонять на «Тойоте»
И верить, что жизнь – это смак.

Как просто уйти, хлопнув дверью,
И стать на мгновенье крутым;
Как просто внезапно поверить,
Что мир может быть и другим...

Как просто сидеть у камина
И млеть от гуманных идей;
Как просто смотреть на руины,
И верить в счастливых людей.

Как просто начислить по сотке,
Как просто уйти от всего;
Как просто сгореть от водки
И больше не знать ничего...

Как просто запутаться в узах
И милости ждать от героев;
А миру не нужно иллюзий
И воздух поит всё живое.

Интроспекция

Высокие клятвы – как старая мебель,
Которую можно отдать не глядя
Знакомым, живущим на кровном хлебе,
Согласно завету священного лада.

Они антикварны, молчат о великом,
Внимая блаженству деревьев раздетых;
И сад опустелый становится диким,
Даруя свободу ликующим детям.

А в холоде мира душе не укрыться,
Сквозь боль и тоску мы идём на запрет;
И время нам дарит счастливые лица,
В которых забытого прошлого нет.

Кибер

Мне травы прошептали: «Дело к Жатве...»
И я почуял выдох Хиросимы...
И хлынули в сознание скрижали,
И сердце обомлело нелюдимо...

Компьютерное диво разродилось
Прогнозом штурмового интеллекта;
И офисы шифруются в могилы,
Где ДНК – ошибочная клетка.

Ни Гёте, ни Эйнштейн не постигли
Очищенного Каина природу;
Дисплеев чумовые магистрали
Сплетают виртуальную свободу...

Не вняли Сальвадора назиданию,
Сон разума родил Левиафана;
И монстры вылетают на задание,
Выщёлковая души из профанов.

Потягивая пиво в подворотне,
Скорбит охладевающий бродяга;
И стены городские сумасбродно
Смыкаются в громаду саркофага...

Я чую круговые катакомбы,
Где сталкер – кровный пастырь, время люто.
Кому мила программа «Кибер-Зомби»?!
Арканом человека стал компьютер.

По формуле глобального трактата
Растёт интеллектабельное чрево;
Пропущено в сердца клеймо «нон-грата»,
У Древа Смерти спят Адам и Ева...

Зима... Зима людьми овладевает...
О, Байрона тоска... Какие лица!
А в бункерах возмездье дозревает, —
Сеть рока безошибочно гнездится...

Но тайная энергия Планеты
Включила светоносное искусство;
И рухнула система «Cyber-Net»,
В Сознании включив перезагрузку.

Взрыв изнутри

Я не знаю, откуда приходят счастливые сны,
Но я помню, что в каждом из нас дышит воля Небес;
А душа – как тайник, потому что квартиры тесны,
Мы поём только в праздник, но верим, что это наш
крест...

Мне продвинутый геймер сказал, что игра – это жизнь,
Нужно просто поверить в удачу и стать как вода...
Мы уже потеряли часть сил в виртуальной глуши,
Но никто не услышал, о чём говорят холода...

Мы растём наугад и в мечтах обретаем полёт,
И я понял: инерция лучше, чем дурь и запой;
А тоска – это взрыв изнутри и движенье вперёд —
В ту реальность, где память не стёрта и воздух живой.

Манкурты

Нынче славится мир не романсами, —
Идиотами странных манер:
Как увидят одежды славянские,
Сразу в крик: «Провокация! Смерш!»

Наши пращуры долго смеялись бы
От такой диагностики с помпой;
Для манкúртов же это – как алиби,
О корнях они так и не помнят.

Русофобия – как эпидемия,
Умножает идейных дебилов;
Говорят, есть у них академия
С тайной кафедрой для зомбофилов.

Все народы гордятся одеждами
Не цивилизными – национальными;
Им в ответ улыбаются вежливо,
Ну понятно, – они ж не brutальные.

Только стоит одеться русскому
В родовую рубаху белую, —
Тут же лезут манкúрты за брустверы
И о «смершах» орут, оголтелые.

Их кругом обложили язычники,
Перекрыв репортаж «зомбоящика»,
И кликуши играют опричников,
Становясь пациентами «Кащенко».

И манкурта колбасят видения,
Голливуд отдыхает, – реально всё:
Начинается жертв приношение,
И язычник балдеет и скалится:

«А теперь – твой черёд, языкастенький,
Мы не больно тебя ухайдокаем, —
По законам фатального кастинга...»
И манкурт холодеет и охает...

И в угарном поту просыпается,
Чуть живой, и со съехавшей крышею;
Это ломкой мозгов называется.
Ну а лечится ли? Мы не слышали.

Во, как нынче пугаются светлого!
Выпрямляет извилины фобия;
И душа затрещала, вся ветхая,
Ушатала её какофония...

Господа, одевайтесь в цивильное,
Чтоб на вас не косились с опаскою;
Но когда затрезвонят дебилыные —
Оживляйте природу славянскую!

Корни

Нам дано говорить,
Чем бы нас ни пугали,
Мы способны любить,
Как бы нас ни ломали.

Мы смеёмся навзрыд,
Как бы нас ни гасили,
Мы имеем свой вид,
Чем бы нас ни травили.

Даже если нет струн,
Мы сыграем на нервах,
В нас поёт Гамаюн
И теряется мера.

В наших венах – мощь звёзд
И в глазах – пламя рати;
Мы пьяны от берёз
И крепки от объятий.

Если вздыбится грусть,
Мы поим воздух речью;
Это вольная Русь
Прёт Вселенной навстречу.

Мы умеем греть высь,
Озаряясь молитвой,
Мы – как тайна травы
И в весельях, и в битвах.

Мы опять оживём,
Без причин улыбаясь,
Потому что в облом
Нам тоска неживая.

Потому что светить
Нам дано безвозмездно,
И когда нет пути,
Мы летим через бездну.

Потому что в сердцах —
Красота родовая;
В ней – ни пут, ни конца,
Только воля без края.

Отрыв

Открываюсь и грани смещаю,
Из себя выпускаю бездну;
Мне уже не сгорать ночами,
И не делать надрыв полезным.

И гроза в голове громыхнула,
А в миру – оживление вьюги;
Совмещение стихий замкнуло
Установки цепной Кали-Юги...

Наше время, похоже, сбилось,
И вращается, словно в танке;
На вокзале таджик с мобилой
Не меняет своей стоянки.

Алкаши – как и прежде, в доле,
Возле «Диксики» смотрят глюки;
И опухших дорбг мозоли
Рассекаются в тяжком стуке.

Та же гарь, что колбасит поджилки
Те же гаеры, жулики, лохи,
Те же символы – «факи» да «оки»,
Те же пробки, объезды, развилки...
Даже если курить опилки —

Не изменится облик эпохи.

Ветер бьёт по чугунным оградкам,
Диссонируя, как по струнам;
И гудит в голове прохлада,
Словно тут загуляли гунны...

Повернулся на девяносто —
Панорама сверкнула зеркально
И в груди содрогнулась просто
Оттого что душа реальна.

И запела она как прежде,
Обнажив небеса до дрожи —
Несгораемые одежды,
Потому что она без кожи.

И опять воссияли чакры,
Урезонив мою натуру;
Я без дыма и без нунчаков
Сам себе и патрон, и гүру.

Анахата моя – как хата
Для нетленного авангарда;
И теперь я богат без блата,
Позитив извлекаю из кармы.

И хожу в золотых надеждах,
Забывая на сплин с дефолтом,

И летаю по снам и между, —
Это если без тела долго.

Отрываюсь и грани сметаю,
Сокровенное делая вольным;
И кругом – красота родовая,
А любить и светиться не больно.

Мистерия лада

Грохот негаданной бури
Вздыбил пучину невзгод;
Выжгла хандру из лазури
Мощь светоносных пород.

Сердце умыла прохлада,
В венах гудят небеса;
Вышла из мук тайна лада,
Приотворив чудеса...

Взлёт озаренья ускорен,
Песня жива от корней;
И прорастает сквозь горечь
Род грозových звонарей.

Даже если...

Что ещё я могу предпринять
В этой битве за чувство лазури?
Ход времён никому не понять,
Даже если все узы в ажуре.

В панорамно-пиарный сюжет
Пробивается леди желаний,
Свято веря в счастливый билет
И мечты согревая в тумане...

Но сомненья растают, как дым,
Стоит дар отличить от приманки;
Даже если ты всюду – один,
Есть резон дотянуть до стоянки...

Снова опиум ветреных дум
Напоил чуткий воздух округи;
Для кого-то и музыка – шум.
Но когда были поняты звуки?

У звезды высоты не отнять,
Даже если она вдруг погаснет;
Что ещё я могу отыскать
В этом дивном и диком ненастье?

И когда я устану поить
Маету грозovým песнопеньем,
Мне свобода прикажет любить
Эту Землю, как чудо творенья.

Даже если
голод сильнее пуль,
Даже если
не тает зима на висках,
Даже если
бурей распахан путь, —
Всё останется на местах.

2. Сиянье и пламя

Когда душа болеть устанет

Когда душа болеть устанет
И распахнётся как зима,
Споёт ей Высь ветров устами
О том, как мир сошёл с ума...

Но этой горечи не внемля,
Она построит новый мир,
Где человек полюбит Землю,
Перетерпев чуму и пир.

И дух любви подарит силу
Тому, кто сбросит иго драм,
Чтобы сознание не затмила
Войны проклятая игра.

Драйв горечи

По разбитым сердцам
Обожжённой балладой стекаю,
Дикой горечью кровь оживляя,
В тон вселенским ладам;
И дыханье беспечного мая
Льёт на сердце бальзам,
Жить и петь призывая...

Понты

Он хотел казаться круче других,
Он отсеивал ненужных как хлам;
Он заучивал свой имидж как стих
И учитывал устойчивых дам.

Он крутил баранку как Бельмондо,
Успевая обыграть форс-мажор;
Он тянул интим, как виски со льдом,
Но не знал, что есть ещё и минор...

И въезжая в оголтелый расчёт,
Он хватался за приманку, как лох;
А в груди плясал холодный фокстрот,
Но от этого лишь глубже был вдох.

И вживаясь в безоглядные дни,
Он листал труды властителей дум
И считал себя таким, как они,
Только слишком голосил тяжкий ум.

Он считал себя одним из крутых
И гостям дарил внезапный облом;
Но своя тоска не манит чужих,
И таланта не прибавит апломб.

Он в дебатах слышал только себя,
И в мечтах как супермен всё умел;
Но никто проживёт не любя,
И его манил ажур новых тел.

И не слушая подсказок Судьбы,
Он всё чаще повторял букву «Я»;
Но, как водится, бесплодны дубы,
Даже если вся посадка своя.

Он заучивал свой имидж, как стих,
Он фиксировал устойчивых дам,
Он хотел казаться круче других,
И сокровище отсеял, как хлам...

Крысоед

На корабле в машинном отделении
Работали весёлые матросы,
А рядом с корабельным отоплением
Блуждали крысы в поисках отбросов...

Одна из них была весьма настырная,
Но правильней сказать – как есть, рисковая,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.